

архиепископ Аверкий (Таушев)

Провозвестник кары Божией русскому народу святитель Феофан Затворник Вышенский Аверкий (Таушев), архиепископ Сиракузский и Троицкий

В нынешнем 1964 году на самый праздник Богоявления исполнилось ровно 70 лет со дня блаженной кончины приснопамятного Епископа Феофана, известного верующим русским людям под именем «Вышенского Затворника».

Замечательна жизнь этого великого светильника Российской Церкви перед наступлением столь грозных времен для нее и для всей России, как замечательно и то огромное духовное богатство, которое оставил он нам в виде своих, поистине драгоценных, письменных творений, могущих составить целую библиотеку. Эти письменные творения представляют собою ценнейшее руководство подлинной духовной жизни – той «жизни во Христе», которой жили на протяжении вот уже почти двадцати веков все истинные подвижники и ревнители православно-христианского благочестия. Они, эти творения святителя Феофана, раскрывают перед нами всю глубину и ни с чем не сравнимую возвышенную красоту духовной жизни, а потому всякий стремящийся жить подлинной духовной жизнью не может не знать и не ценить их, а кто еще с ними не знаком, тот должен познакомиться. Это – как бы «пробный камень» правильного подхода к духовной жизни, истинно-православной ее оценки и понимания в наше лукавое время, когда столь многие «влаются» всякими ветрами всевозможных лжеучений (Еф. 4, 14) и увлекаются «философией и пустым обольщением по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу» (Кол. 2, 8).

Сама жизнь святителя Феофана говорит за себя и служит лучшей рекомендацией всего вышесказанного, внушая к нему и к его письменным творениям полное доверие и высокое уважение.

В мире Георгий Васильевич Говоров, святитель Феофан был сыном священника св. Владимирской церкви села Чернавка Елецкого уезда

Орловской губернии. Родился он 10 января 1815 года. Получив первоначальное обучение в родительском доме, он прошел затем курс Ливенского духовного училища и Орловской духовной семинарии (1831–1837). Здесь, несомненно, и получил он ту цельность направления и серьезный закал мысли, которые давала наша старая духовная школа своим лучшим питомцам. Как лучший воспитанник, он был отправлен на казенный счет в Киевскую Духовную Академию. С большим прилежанием изучал он богословские науки, и тут же, в тиши молитвенного уединения среди Киевских пещер, этих безмолвных, но красноречивых памятников нашей родной старины, созрела в нем мысль стать на путь иноческого мироотречного жития. Подав прошение об этом, он еще за несколько месяцев до окончания курса был пострижен в монашество с именем Феофана. Постриг был совершен ректором Академии Преосвященным Иеремиею 25 февраля 1841 года; 7 апреля того же года инок Феофан был рукоположен во иеродиакона, а 7 июля – во иеромонаха. На всю жизнь потом запечатлелось в сердце молодого инока наставление, данное ему после пострига духовником Лавры прославленным старцем иеросхимонахом Парфением. «Вот вы ученые монахи, – сказал ему старец, – набравши себе правил, помните, что одно нужнее всего: молиться – и молиться непрестанно умом в сердце Богу, вот чего добивайтесь!»

По окончании в том же 1841 году Академии и защите магистерской диссертации иеромонах Феофан в течение пяти лет подвизался на духовно-учебном поприще. Своим воспитанникам он постоянно внушал, что главным делом их должно быть Богоугождение, а «научность», как он выражался, есть лишь придаточное качество. Особенно подчеркивал он, что «всякая наука, преподаваемая христианину, должна быть пропитана началами христианскими, и притом православными». «У нас самое опасное заблуждение, – говорил он, – то, что преподают науки без всякого внимания к истинной вере, позволяя себе вольность или ложь в том предположении, что вера и наука – две области, решительно разъединенные. Дух у нас один. Он же принимает науки и напитывается их началами, как принимает веру и проникается ею. Как же можно, чтобы они не приходили в благоприятное или неблагоприятное соприкосновение здесь?» В 1842 году иеромонах Феофан был назначен инспектором и преподавателем логики и психологии в Новгородской духовной семинарии; в 1844 году переведен на должность преподавателя нравственного богословия в С.-Петербургскую Духовную Академию. Здесь с 1845 года на него была возложена и должность помощника инспектора Академии, а затем он был назначен еще членом комитета для

рассмотрения конспектов преподаваемых в семинариях учебных предметов. Административные обязанности, однако, весьма тяготили инока, которого влекла к себе уединенная строго-подвижническая жизнь. Промысел Божий вскоре избавил его от этого, указав ему иной путь. В 1846 году он получил назначение на должность члена Российской Духовной Миссии в Иерусалиме. Семилетнее пребывание о. Феофана в Святой Земле имело для него громадное значение. Душа его питалась здесь священными библейскими воспоминаниями; он посещал знаменитую Лавру преп. Саввы Освященного и другие древние обители, знакомясь со сказаниями о подвигах прежних отшельников и наблюдая жизнь современных подвижников. Знание древних языков давало ему возможность изучить на месте ценные рукописи отеческих творений, которые получали для него особенную жизненность при постоянном созерцании священных памятников древности. Благодаря этому он все глубже и глубже проникался духом великих христианских аскетов, практически изучая подвижническую жизнь у самых первоисточников и древних расадников иночества.

По возвращении в Россию иеромонах Феофан в 1855 году был возведен в сан архимандрита с назначением на должность ректора Олонецкой духовной семинарии. Но ему и года не пришлось пробыть на этой должности. В том же году он был отправлен в Константинополь настоятелем тамошней Русской посольской церкви, где пробыл около двух лет. И это время он широко использовал для углубления своего знакомства с восточным иночеством и, в частности, для изучения подвижнической жизни на Афоне.

В 1857 году архимандрит Феофан, уже стяжавший себе известность в духовных кругах своей образованностью и аскетической настроенностью, был вызван в С.-Петербург и получил назначение ректором С.-Петербургской Духовной Академии. Вместе с тем ему было поручено наблюдение за преподаванием Закона Божия во всех светских учебных заведениях столицы и ее окрестностей.

Но и на этой должности он пробыл недолго. В 1859 году он был хиротонисан в Александро-Невской лавре Высокопреосвященным Митрополитом С.-Петербургским Григорием с сонмом иерархов в сан Епископа Тамбовского. Преосвященный Феофан ревностно исполнял свое епископское служение и очень много сделал для Тамбовской епархии, но административные обязанности епархиального архиерея не пришлись ему по душе, так как отвлекали его от подвигов Богосозерцания и молитвы, к которым он от юности стремился. Он начал мечтать о полном уединении и

еще в бытность на Тамбовской кафедре присмотрел себе «возлюбленную смиренную пустынь Вышенскую, которой нет ничего на свете краше». Однако тогда еще ему не удалось своего намерения исполнить. В 1863 году он был переведен на епископскую кафедру в г. Владимир на Клязьме. Три года его служения здесь также ознаменовались неусыпной и ревностной архипастырской деятельностью: он часто совершал Богослужения, неутомимо проповедывал, предпринимал постоянные поездки по епархии, развил миссионерскую деятельность для возвращения заблудших в лоно Церкви, открывал церковно-приходские школы, основал, как и в Тамбове, женское епархиальное училище и положил начало изданию «Епархиальных Ведомостей». Благостный, участливый ко всем, он в полном смысле слова делил с своей паствой и радость и горе, чутко отзываясь своим любящим сердцем на все.

С юных лет святитель Феофан горел особенной любовью и благоговением к памяти великого духоносного наставника и столпа Российской Церкви св. Тихона Задонского и в 1861 году сподобился великой радости участвовать в торжестве открытия его святых мощей. Можно полагать, что это торжество окончательно укрепило в нем давно уже взлелеянное им в глубине души намерение, по примеру святителя Тихона, совершенно уединиться от греховного мира, уйдя в затвор.

«Наступил, наконец, 1866 год, когда много ранее задуманное совершилось», – так пишет об осуществлении этого намерения святителя один из его ближайших родственников. Святитель Феофан подал Святейшему Синоду прошение об увольнении на покой. Просьба эта была совершенно необычной, так как годы святителя не давали для нее оснований. Первенствующий член Синода Митрополит Исидор счел нужным запросить святителя Феофана, какие причины побудили его подать такое прошение. Святитель ответил, что он стремится к созерцательной духовной жизни, но вместе с тем не отказывается от работы на пользу Церкви, предполагая посвятить свое время в уединении письменным трудам. Синод удовлетворил его прошению, назначив ему для пребывания избранную им Вышенскую пустынь и определив годовую пенсию в сумме 1000 рублей. Трогательное прощание Епископа Феофана со своей Владимирской паствой состоялось 24 июля 1866 года. Совершив в этот день в последний раз в своем кафедральном соборе Божественную Литургию, святитель обратился к своей пастве с проникновенным прощальным словом. В храме стояла глубочайшая тишина, прерываемая лишь тихими рыданиями скорбевших о разлуке с своим любимым архипастырем владимирцев. Замечательно было это слово, дышавшее

необыкновенной сердечностью и задушевностью и вместе с тем проникнутое горячей ревностью о спасении душ оставляемых им пасомых. «Не попеняйте на меня, Господа ради, – говорил святитель, – что оставляю вас. Отхожу не ради того, чтобы вынужден был вас оставить. Ваша доброта не допустила бы меня переменить вас на другую паству. Но, как ведомый, ведусь на свободное от забот пребывание, ища и чая лучшего, – как это сродно естеству нашему... Кроме внешней необходимости, есть необходимость внутренняя, которой внемлет совесть и которой не сильно противоречит сердце... Об одном прошу любовь вашу, – оставя суждения и осуждения сделанного мною шага, усугубьте молитву вашу; да не отщетит Господь чаяния моего и дарует мне обрести искомое мною. И я буду молиться о вас, буду молиться, чтобы Господь всегда ниспосылал вам всякое благо – улучшал благосостояние и отвращал всякую беду, паче же, чтоб устраивал ваше спасение. Спасайтесь, и спаситесь о Господе! Лучшего пожелать вам не умею. Все будет, когда спасены будете». В этих словах излилась вся душа святителя Феофана. Это именно то, о чем он потом постоянно писал в своих письмах, о чем он настойчиво твердил и на разные лады повторял в своих богомудрых вдохновенных творениях. Вторая половина его прощального слова не менее знаменательна. В нем он указывает на единственно верный путь спасения и предостерегает от тех лживых и лживых учений, которые и довели, в конце концов, нашу Родину до гибели. Святитель напоминает своим бывшим пасомым слова св. Апостола Павла: «О, Тимофее! Предание сохрани». «Сохрани, – продолжает он дальше, – что Господом и Его Святыми Апостолами предано Церкви и что одно поколение христиан передает другому. Напомнить о сем вам понуждаюсь того ради, что ныне много лживых учений ходит между нами: учений растлительных, подрывающих основы веры, расстраивающих семейное счастье и разрушающих благосостояние государства. Поберегитесь, ради Господа, от сих учений! Есть камень, коим испытывают золото. Испытательным камнем да будет для вас св. учение, издревле проповедуемое в Церкви. Все несогласное с сим учением отвергайте, как зло, каким бы титулом благовидным оно ни прикрывалось... Это напоминание прошу принять, как последнее завещание». Это, как мы увидим дальше, было предупреждением и завещанием великого духовного наставника не только Владимирской пастве, но и всему русскому народу, который жестоко поплатился за то, что не внимал делаемым ему предостережениям.

Преподав благословение своим плачущим духовным чадам, святитель Феофан уехал из собора, а через четыре дня, после напутственного

молебна в своей домовой церкви, направился в Вышу. С тех пор началась его подвижническая жизнь в затворе, которая продолжалась без малого 28 лет. В течение первых шести лет святитель постепенно приготавливал себя к полному затвору: он наравне со всеми иноками неопустительно посещал все монастырские службы, а в воскресные дни и великие праздники сам совершал Божественную литургию соборно с монастырской братией. Своим благоговейным священнослужением он вселял во всех сослужащих с ним страх Божий. Никто никогда не слышал от него в алтаре постороннего слова. Стоял он во храме, по словам очевидца, благоговейно, тихо, не озираясь никуда, бодренно, как воин перед Христом, Царем Небесным. И все больше и больше внутренне уходил от мира, погружаясь в созерцание и молитву. Случалось, что инок, подносящий владыке антидор, стоял перед ним несколько минут незамеченным, пока погруженный в молитву святитель не открывал своих очей.

В 1872 году Преосвященный Феофан сам устроил себе в своих келлиях домовую церковь и освятил ее во имя Богоявления. Этот праздник, носящий по-гречески наименование «Феофания» и созвучный его имени, пользовался особым его почитанием. С этого времени святитель окончательно затворился в своей келлии: сам никуда не выходил и к себе никого не пускал, кроме своего духовника и настоятеля пустыни да еще келейника Евлампия, снабжавшего его просфорами и вином для совершения литургии и всем необходимым. В течение 21 года Преосвященный Феофан сам совершал в своей келейной церкви Божественную Литургию: сначала только по воскресным и праздничным дням, а в последние 11 лет – ежедневно. Когда его спрашивали, как он служит литургию, святитель отвечал: «Служу по служебнику молча, а иногда запою». Постничество, умерщвление плоти у него было совершенное: он, по словам имевших доступ к нему, как бы весь был проникнут духовностью, и тело свое питал только для того, чтобы оно помогало духу его жить свободно и легко. Всю свою пенсию святитель рассылал бедным, оставляя себе только небольшую сумму на выписку книг. В полном согласии с наставлениями древних Отцов и своими собственными, святитель Феофан духовные подвиги и умственные занятия перемежал с ручным трудом.

Он, как свидетельствуют об этом вещи и инструменты, найденные после его смерти в его келлии, занимался иконописью, был превосходным резчиком и слесарем, отлично знал токарное и столярное ремесло и сам шил себе одежду. Но главную часть времени великий святитель предавался Богомыслию, и плодом его вдохновенных созерцаний явились его

многочисленные письменные труды неизмеримо-важной ценности. Так, он перевел на русский язык целый ряд творений древних подвижников и наставников духовной жизни. Этот труд его, обнимающий собою пять томов и известный под именем «Добротолубия», содержит в себе учение об искоренении страстей и о способах благодатного возрождения поврежденной грехом человеческой души. Ценнейшими богословскими трудами святителя Феофана являются также его Толкования на послания св. Апостола Павла, Толкование 118-го и некоторых других псалмов, «Евангельская История о Боге Сыне, воплотившемся нашего ради спасения», «Начертание христианского нравоучения», «Путь ко спасению», «Невидимая брань» и мн. др. С.-Петербургская Духовная Академия еще в 1882 г. «в выражение глубокого уважения к неутомимой и многоплодной литературной деятельности Преосвященного Феофана в области православного нравственного богословия и истолкования Священного Писания» избрала его своим почетным членом, а в 1890 году «за его многочисленные и замечательные богословские сочинения» удостоила его степени доктора богословия.

Но не менее замечательной и многоценной была и его огромная переписка. Оставив суету мира и прекратив внешнее общение с миром, святитель Феофан не оставил человеческий мир, обуреваемый многими страстями, своей архипастырской любовью и заботами о его спасении. Не общаясь с людьми лично, он общался со всеми, искавшими его духовного наставления и советов, письменно. Он охотно отвечал на письма каждому, кто обращался к нему, имея нужду в духовном окормлении. Когда в России стало известно, что в Вышенской пустыни появился дивный затворник, исполненный отеческой любви к людям, со всех концов нашей необъятной Родины полетели туда письма с выражением духовных и телесных скорбей, с горькими сетованиями на неправды свои и людские, на мирскую суету и душевное томление. Ежедневно святитель получал от 20 до 40 писем и на каждое письмо спешил с нежною истинно-отеческою любовью ответить. Письма Преосвященного Феофана – это истинное сокровище: они отличаются необыкновенной живостью слова, теплотою чувства, четкостью мыслей, образностью сравнений и, при всей простоте изложения, необыкновенной глубиной, тонким пониманием человеческой души. Они изданы в нескольких сборниках под разными заглавиями, как-то: «Письма о христианской жизни», «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?», «Письма к разным лицам» и просто «Собрание писем» в 8-ми выпусках.

Как личный великий подвиг жизни святителя Феофана, так и его

глубокое проникновение в самую сущность подлинной христианской жизни, дает ему бесконечное превосходство, как учителю христианской нравственности, над всеми современными системами христианского нравоучения, появляющимися у нас и на Западе – у римокатоликов и протестантов. Заслуга его в этом отношении беспримерна, и он не имеет для себя равного ни в прошлом, ни в настоящем. Таково значение нашего великого святителя для всего Православия.

Как замечательна была вся жизнь святителя Феофана, так замечательна была и его воистину блаженная кончина.

В самый день великого праздника Богоявления, который был предметом его особенного почитания, 6 января 1894 года, преданный келейник святителя Евлампий, не слыша обычного условного знака в чаю, заглянул в келлию и увидел святителя лежащим на кровати. Подойдя к нему, он увидел его уже скончавшимся. Левая рука святителя лежала на груди, правая была сложена как бы для благословения. На столике рядом лежала раскрытая январская книжка «Душеполезного чтения».

При облачении почившего в архиерейские ризы на лице его явно для всех просияла блаженная улыбка...

Три дня стоял усопший святитель Феофан в своей маленькой домово́й церкви, посвященной им празднику Богоявления, и три дня – в соборном монастырском храме, и никаких признаков тления не было замечено: почивший производил впечатление мирно и тихо спящего человека.

Только 12 января в теплом монастырском соборе состоялось торжественное отпевание святителя Феофана, совершенное Преосвященным Иеронимом, епископом Тамбовским, с сонмом духовенства и хором певчих. На отпевание собралось несметное множество народа, не помещавшегося в храме. Многие пришли с котомками за плечами за 200 и 300 верст – только бы поклониться почившему великому святителю и испросить его молитв за себя. Слышались плач и рыдания...

Но не в том задача настоящего нашего очерка, чтобы дать исчерпывающую характеристику замечательной личности, жизни и трудов этого дивного столпа нашей Российской Церкви за последнее время, а в том, чтобы обрисовать его как пророка Божия, посланного русскому народу перед наступлением грозных времен, как провозвестника кары Божией русскому народу за его измену своему призванию, за его богоотступничество, за попрание им св. Православия, за отход от священных заветов своего Просветителя св. равноапостольного кн. Владимира.

Дабы понять и оценить во всей силе значение Преосвященного Феофана для русского народа, верным сыном которого он являлся, необходимо бросить хотя бы беглый взгляд на то, что представляло собой современное ему русское общество. Оно являло собою крайне печальное зрелище. Оторвавшись, под губительным влиянием западной лжекультуры, от своего родного православного корня, оно не пришло ни к чему, не создало, да и не могло создать никаких положительных идеалов. Губительнее всего был тот глубокий разлад та пропасть, которая образовалась между простым народом, сохранявшим еще преданность родной старине, и руководящим образованным классом, так называемой «интеллигенцией», порвавшей почти все связи с прошлым и сделавшейся в русском народе как бы каким-то особым народом, не помнящим родства. Дабы не быть голословными, предоставим здесь говорить современному наблюдателю, так характеризующему тогдашнюю русскую жизнь:

«Современное русское общество, – говорит он, – превратилось в умственную пустыню. Серьезное отношение к мысли, искреннее уважение к науке почти исчезли, всякий живой источник вдохновения иссяк. С падением философии логика сделалась излишним бременем; умение связывать свои мысли отошло в область предрассудков; никогда еще русская литература не стояла так низко; никогда еще легкомыслие и невежество так беззащитно не выставлялось напоказ. Самые крайние выводы самых односторонних западных мыслителей, обыкновенно даже и непонятые и непереваренные, смело выдаются за последнее слово европейского просвещения... Современный образованный человек потерял свое равновесие. Нигде он не находит твердой точки опоры. Среди бесконечного множества частных у него исчез всякий общий взгляд. Никогда еще не было такого всеобщего шатания, такого умственного мрака. Сильная мысль, крепкие убеждения, высокие характеры становятся редкостью». («Наука и религия», Б.Н. Чичерин.)

В религиозно-нравственной области картина современной святителю Феофану русской жизни – еще мрачнее, еще безотраднее. Безверие, нигилизм, беспринципность, отрицание каких бы то ни было религиозно-нравственных устоев и тут же порой – нездоровое истерическое увлечение крайними сектантскими лжеучениями, спиритизмом, оккультизмом, теософией, черными мессами и т.п. – все это ясно показывало, что русское общество тяжело болеет, что оно заражено тяжелым, трудноисцелимым недугом, что оно переживает мучительный нравственный кризис. Существо этого кризиса метко определил один из наших поэтов того времени: «Не плоть, а дух растлился в наши дни, И человек отчаянно

тоскует; Он к свету рвется из ночной тени И свет обретши, ропщет и бунтует. Безверием палим и иссушен Невыносимое он днесь выносит!.. И сознает свою гибель он, И жаждет веры... Но о ней не просит.» (Тютчев)

«Безверие» – вот, где корень всех зол, вот, что привело образованного русского человека к этому шатанию умов и сердец, к этому гнетущему духовному кризису.

Но откуда взялось это «безверие» в русском народе, который со времен святого князя Владимира настолько воплотил в своей жизни высокие евангельские идеалы, что заслужил название «народа-Богоносца», сделался подлинно «Святою Русью», как свидетельствуют об этом беспристрастные исторические памятники?

Это «безверие» и порожденное им шатание умов и сердец было занесено к нам с Запада. Оно посеяно было у нас в результате слишком стремительного и неосторожного сближения с чуждой нам по духу, полуязыческой западноевропейской культурой. Судьбы каждого народа, как и судьбы каждого отдельного человека, несомненно, – в руках Божиих. И каждый народ имеет свою особую, указанную ему Богом миссию, свое призвание. Уклонение от этой миссии неизбежно влечет за собой катастрофу, ибо никто не может безнаказанно идти против воли Божией. У русского народа была своя высокая миссия, несомненно, Богом ему определенная – быть хранителем истинной веры в мире, быть светочем св. Православия для всего остального человечества. И пока русский народ сознавал величие этой своей миссии, пока он дорожил своим св. Православием, он благополучно выходил из всех постигавших его исторических потрясений. Но вот, к несчастью для русского народа, а как мы видим теперь, и к несчастью для всего человечества, русское передовое общество в конце XVII и начале XVIII веков начало резко отклоняться от предназначенного ему Богом исторического пути. Мы далеки от того, чтобы огульно осуждать все реформы императора Петра I, «прорубившего окно в Европу» и заимствовавшего с Запада много полезного для усовершенствования русской техники, военного и корабельного дела и вообще всего того, что касается благоустройства земной жизни человека. Не сами по себе эти внешние заимствования были губительны – роковым для русского народа в ту пору оказалось его внутреннее, духовное сближение с Западом, который праздновал как раз тогда эпоху так называемого «Возрождения», то есть отречения от последних остатков христианства, какие еще оставались в латинстве, и возвращения к идеалам язычества. Наглядным примером правильного отношения к петровским реформам должен был бы служить случай с великим нашим святителем

Митрофаном Воронежским, которого очень любил и чтил сам Император Петр. Св. Митрофан с полным сочувствием относился ко многим мероприятиям Петра, но лишь до тех пор, пока они не шли вразрез с православным благочестием русского народа, не подрывали устоев св. православной веры и не разрушали той истинно христианской аскетической нравственности, в которой веками до того воспитывались все русские люди от князей и царей до последнего простолюдина. Известно, что на закладку русского флота св. Митрофан пожертвовал имп. Петру все сбережения от архиерейских доходов в огромной по тому времени сумме 6000 рублей и затем постоянно отсылал ему новые сбережения с надписью: «на ратных». Но когда однажды Петр пригласил его к себе во дворец, он отказался войти туда, увидя перед воротами и на дворе статуи языческих божеств. Царь сильно разгневался на него за это, но святитель оставался непреклонен. И что же? Петр в конце концов уступил – приказал убрать статуи, а по кончине святителя плакал о нем и сам нес его гроб до могилы. В этом простом, но жизненном примере ясно был указан русскому человеку правый путь в отношениях с Западом: можно заимствовать с Запада все, что там действительно есть хорошего и полезного, но не забывать при этом ни с чем не сравнимого превосходства сокровищ своей родной православной веры, помнить свое высокое призвание и не приобщаться чуждому нам западному духу губительной для душ противоестественной смеси извращенного христианства с возрожденным язычеством.

Но, увы! Слишком соблазнительными показались русскому человеку приманки глубоко-земной западной культуры, потакавшей всем низменным страстям и похотям падшего человека. Падать вниз, катиться по наклонной плоскости всегда легче, чем держаться на высоте своего положения, своего призвания. Вот мы и покатались!.. И хотя внешняя, чисто-земная культура у нас продолжала развиваться и совершенствоваться, – зато внутренняя культура, культура православно-христианского духа стала быстро улечиваться. Со времен Петра мы начали заимствовать с Запада и пересаживать на благодарную, черноземную русскую почву все, что попало, без всякого разбора. «Все хорошо, что не наше» – стало лозунгом русского общества XVIII в., а наше исконное родное, вплоть до святынь нашей веры, оплевывалось и высмеивалось, – в крайнем случае, признавалось законным достоянием «мужика», который стал каким-то низшим существом, представителем какой-то особой, отсталой расы русского народа. В этом диком увлечении всем западным дошли, наконец, до такого сумасбродства, что презрели

даже свой родной русский язык. Французский язык оказался почему-то лучше, прекраснее, благороднее, выразительнее нашего родного русского языка, а самыми лучшими воспитателями и желаннейшими наставниками и учителями русского молодого поколения сделались французские лакеи, дворники, горничные, парикмахеры, по большей части, до мозга костей глубоко развращенные и наше юношество так же глубоко развращавшие, учившие его безверию, нигилизму и разврату. Вместо святоотеческих творений, которые были любимым чтением наших благочестивых предков, русские нравственные уроды XVIII-го века зачитывались пошлыми и гнусными французскими романами, пропитанными все тем же духом безверия, пошлости, бесстыдного цинизма и всякой нравственной нечистоты. Всякое новое веяние, всякое новое течение в развращенной лжекультурной жизни Запада сейчас же раболепно и подобострастно у нас подхватывалось, всячески распространялось, прививалось и насаждалось как верх «культурных достижений» человечества. Особенно губительными для нас оказались плоды посеянных у нас в эпоху императрицы Екатерины II идей французской, так называемой «просветительной», философии XVIII-го века. Безбожные и революционные идеи, под впечатлением только что разразившейся Великой Французской Революции, настолько захватили тогда русское общество, что вызвали серьезное беспокойство даже в наших весьма либеральных правительственных кругах. Посеянная зараза, поскольку ей не было оказано с самого начала решительного противодействия, не могла не распространяться все шире и шире. Нисколько не удивительно поэтому возникновение всевозможных тайных революционных кружков и движение декабристов в начале следующего XIX-го века. Весь XIX век проходит под знаменем дальнейшего импорта с Запада всех возникавших там безбожных материалистических и революционных учений и течений, вплоть до пресловутого марксизма-коммунизма, окончательно сгубившего нашу несчастную Родину.

Конечно, все это происходило не случайно, не делалось само собой. Особые темные силы, которым ненавистна была наша Родина как оплот истинной веры на земле, веры Православной, систематически работали над тем, чтобы развратить наши молодые поколения и сделать Святую Русь жребием сатаны. Но досадно и до глубины души больно за тех наивных и неразумных русских людей, которые и тогда не понимали, да и теперь еще не понимают, кто, как и зачем толкал русский народ в пропасть безверия и разврата. Ну вот и докатились, наконец, до страшной кровавой бездны, до жуткого коммунистического ада, который готовится теперь поглотить уже весь мир. Не время ли, не пора ли, хотя теперь,

прозреть всем и каждому?!

И в этом отношении необыкновенно драгоценны и поучительны для нас творения великого нашего светильника и наставника Преосвященного Епископа Феофана Затворника. Истинное значение его как пророка Божия, посланного русскому народу для того, чтобы призвать его к покаянию и обращению к Богу, до сих пор еще по достоинству не оценено. Ведь он, находясь в глубине своего затвора, еще в 60–70 годах прошлого столетия прозревал духом своим то страшное бедствие, которое надвигалось на не устоявший в верности своему св. Православию русский народ, предощущал ту жуткую кровавую бездну, в которую он катился. Прозревал духом, скорбел, ужасался, отечески вразумлял, умолял, предостерегал. Все его проповеди и письма в той или иной мере отражают эту скорбь великого святителя о неразумных увлечениях современных ему русских людей, а некоторые яркими штрихами и совершенно открыто изображают черты приближающегося бедствия. Замечательно, что он говорил и писал об этом так решительно еще в 60–70 гг. прошлого века. То, что для многих стало ясно в годы, непосредственно предшествовавшие нашей несчастной революции, далеко не было и не могло быть ясным для всех в те, еще столь отдаленные годы прошлого столетия. Но великий святитель Божий все это провидел своими Богоозаренными прозорливыми очами и грозно предостерегал русский народ о неизбежно ожидающей его каре Божией. К убеждению в неизбежности ее приводили его прежде всего собственные наблюдения над современными ему русскими людьми. Вот как пишет он, например, в одном из писем:

«Знаете ли, какие у меня безотрадные мысли? И не без основания. Встречаю людей, числящихся православными, кои по духу вольтерiane, натуралисты, лютеране и всякого рода вольнодумцы. Они прошли все науки в наших высших заведениях. И не глупы и не злы, но относительно к вере и к Церкви никуда негожи. Отцы их и матери были благочестивы; порча вошла в период образования вне родительского дома. Память о детстве и духе родителей еще держит их в некоторых пределах. Каковы будут их собственные дети? И что тех будет держать в должных пределах? Заключаю отсюда, что через поколение, много через два, иссякнет наше православие».

Эти «безотрадные мысли» не ввергают, однако, святителя Феофана в уныние и отчаяние. Он находит еще возможным бороться с этим религиозно-нравственным разложением русского общества его времени. И как истинный служитель Божий горячо призывает всех, кто к тому способен, не сидеть сложа руки, но начать решительную борьбу с

надвигающейся на русский народ смертельной опасностью.

«Что ж? Сидеть, поджавши руки? – пишет он далее. – Нет! Надо что-нибудь делать! Злые начала вошли в науки и в жизнь; у нас нет книг, читая которые можно бы образумиться тем, кои еще способны к образумлению... Нужны жаркие книги, защитительные против всех злостей. Следует нарядить писак и обязать их писать» (Письма о христ. жизни, стр. 78).

В первую очередь к священной борьбе за спасение русского народа святитель Феофан призывал пастырей. Неустанной пастырской проповеди он придавал громадное значение и горячо звал пастырство не умолкать в проповеди Слова Божия, разъясняя верующим истины Христовой веры и безмерное превосходство Православия над всеми другими исповеданиями, всех привлекая и словом и примером на путь истинной благочестивой христианской жизни.

«Молчащее пастырство, что за пастырство?» – говорит он и советует священнику регулярно собирать детей в церковь и на дом по воскресным вечерам или «когда и как будет удобнее», чтобы «юное народившееся поколение, с первых сознательных лет, подготавливать, толкуя и разъясняя им истины нашей веры, что нужно и можно им знать».

«Первым делом своей совести, – говорит дальше святитель Феофан, – священник должен считать проповедывание Слова Божия, наставление и усовершенствование как взрослых, так и детей в ведении христианской веры («Мысли на каждый день года», стр. 247).

Положение пастыря-священника стало особенно ответственным вследствие того, что на русской земле все более и более распространяются всевозможные ложные учения, противные Слову Божию и учению Церкви, а потому от пастыря требуются большие знания, чтобы уберечь свою паству от увлечения ими.

«Каких-каких у нас не ходит учений и в школах, и в обществе, и в литературе! – горестно восклицает святитель. – Священник и должен уметь все это разъяснять и давать решение на все, ибо «говор ученых похож на молву и моду: ныне одно, завтра другое», – ты же внимай одному глаголу Божию, пребывающему во веки».

Наблюдая все усиливающееся богоотступничество в русском народе, постепенный отход от веры и Церкви, святитель Феофан приходит к печальному заключению о неизбежности кары Божией над русским народом и притом именно в форме кровавой революции, на что он весьма прозрачно намекает в целом ряде своих «Мыслей на каждый день года» и во многих проповедях.

«Поднялось скрытое гонение на христианство, которое стало

прорываться и явно, как недавно в Париже. Что там сделалось в малом объеме, того надобно ожидать со временем в больших размерах... Спаси нас, Господи!» (стр. 225, 226). Здесь замечательное предвидение того, что революция в России будет еще хуже французской.

«Господь много знамений показал в Капернауме, Вифсаиде и Хоразине; между тем, число уверовавших не соответствовало силе знамений. Потому-то Он строго и обличил эти города и присудил, что в день суда отраднее будет Тиру и Сидону, Содому и Гоморре, нежели городам тем. По этому образцу надо нам судить и о себе. Сколько знамений показал Господь над Россией, избавляя ее от врагов сильнейших и покоряя ей народы! Сколько даровал ей постоянных сокровищниц, источающих непрестанные знамения, – в св. мощах и чудотворных иконах, рассеянных по всей России! И, однако ж, во дни наши россияне начинают уклоняться от веры: одна часть совсем и всесторонне падает в неверие, другая отпадает в протестантство, третья тайком сплетает свои верования, в которых думает совместить и спиритизм, и геологические бредни с Божественным Откровением. Зло растет: зловерие и неверие поднимают голову; вера и Православие слабеют. Ужели же мы не образуемся? И будет, наконец, то же и у нас, что, например, у французов и других...А если это будет, что, думаете, будет нам за то в день судный, после таких Божиих к нам милостей? Господи! Спаси и помилуй Русь православную от праведного Твоего и належащего прещения!» (стр. 187–188).

Как это ясно видно, в вышеприведенных словах святитель Феофан достаточно понятным для всех языком предрекает, что неминуемым последствием уклонения русских людей от веры и усиления в их среде зловерия и неверия явится подобная той, что была у «французов и у других», страшная кровавая бойня самоистребления, называемая революцией.

В чем же видит богомудрый святитель причину этого все растущего зловерия и неверия, грозящих нам такой страшной катастрофой?

Во многих местах своих творений он ясно и определенно указывает причину этого в нашем неразумном увлечении чуждой нам по духу полуязыческой, отрешившейся от Христа культурой Запада.

«Западом и наказывал и накажет нас Господь, – так грозно предрекает святитель, – а нам в толк не берется. Завязли в грязи западной по уши, и все хорошо. Есть очи, но не видим; есть уши, но не слышим и сердцем не разумеем. Господи, помилуй нас! Поели свет Твой и истину Твою!» (Письма о христ. жизни, стр. 70).

Но где нам было понимать это так, как понимал это он? Ведь все,

приходившее с Запада, представлялось нам тогда идеалом подлинного просвещения, а свет евангельской истины многие обезумевшие русские люди не утрущались кощунственно именовать «мракобесием».

Указывает святитель Феофан и на зловерное влияние современной ему русской литературы, утратившей в большинстве произведений к тому времени свой идеальный характер и национальный русский дух и сделавшейся проводником в обществе все тех же разрушительных западных идей.

«Другая злая вещь у нас, – пишет он в том же письме, – наша литература, западным духом наполненная, и ту очищает Господь тоже ударами с Запада. Но все нейдет» (стр. 70).

Имея в виду нелепую и смешную, но в то же время и глубоко зловерную французанию, которой болело наше интеллигентное общество во второй половине XVIII-го и в начале XIX-го века, вплоть до так называемой Отечественной войны с Наполеоном и его полчищами, святитель Феофан посвящает и ей несколько слов в своем поучении на праздник Рождества Христова, когда праздновалось у нас «Избавление России от нашествия галлов и с ними двадцати язык».

«Нас увлекает просвещенная Европа, – говорит он, – да! Там впервые восстановлены изгнанные было из мира мерзости языческие; оттуда уже перешли они и переходят и к нам. Вдохнув в себя этот адский угар, мы кружимся, как помешанные, сами себя не помня. Но припомним двенадцатый год: зачем это приходили к нам французы? – Бог послал их истребить то зло, которое мы у них же переняли. Покаялась тогда Россия, и Бог помиловал ее», а дальше пророчески грозит и предрекает:

«...а теперь, кажется, начал уже забываться тот урок. Если опомнимся, конечно, ничего не будет; а если не опомнимся, кто весть, может быть, опять пошлет на нас Господь таких же учителей наших, чтобы привели нас в чувство и поставили на путь исправления. Таков закон правды Божией: тем врачевать от греха, чем кто увлекается к нему. Это – непустые слова, но дело, утверждаемое голосом Церкви. Ведайте, православные, что Бог поругаем не бывает» (Мысли, стр. 461).

Нет сомнения, что под этими «мерзостями языческими», восстановленными в Западной Европе, святитель Феофан подразумевал эпоху так называемого «Возрождения», или «гуманизма», которая характеризовалась отречением культурной жизни Запада от христианства и возвращением к идеалам язычества. В вышеприведенных словах святитель, как мы видим, резко осуждает наше неразумное увлечение этой полуязыческой западной культурой и в особенности – французанию,

доходившую до презрения к своему родному языку и замены его французским. И это страшное, можно сказать, стихийное нашествие на нас французов и с ними других европейских народов («двадцати язык») в 1812 году было, по мысли святителя Феофана, ничем иным, как целительным средством, которое употребил Господь для того, чтобы мы прозрели и воочию увидели чего стоит эта мнимая западная «культура». Когда в Отечественную войну французы, столь обаятельные и галантные в светских салонах, обнаружили все свое внутреннее бесстыдство, «буйство» и «зверонравность», храмы Божии не постыдились обратить в конюшни и надругались над нашими святынями, тогда только познали мы истинную цену той лжекультуры, которой так безрассудно прежде увлекались. В итоге Отечественной войны мы, казалось, радикально излечились от «французской жизни»: «покаялась тогда Россия, – говорит святитель Феофан, – и Бог помиловал ее».

Но вскоре стало ясно, что урока этого все же было недостаточно. Слишком глубоко «завязли мы в грязи западной», слишком привлекательной казалась «гуманистическая» западная культура, поставившая на место Бога самого человека, угождавшая и льстившая всем низменным страстям и похотям человека, «человека душевного, не имеющего духа» (Иуд. 1:19). И вот, по словам святителя Феофана, «стал забываться тот урок», который был дан нам в промыслительном нашествии французов. Снова началось увлечение всякими вольнодумными, безбожными, материалистическими теориями, порожденными на отвергшем Бога Западе, снова самозванные западные учителя и наставники безверия, нигилизма и разврата стали у нас желанными гостями и даже кумирами, перед которыми благоговейно преклонялось наше интеллигентное общество, а особенно – несчастное, сбитое с толку учащееся юношество.

«Горько, горько то, – пишет по этому поводу в одном из своих писем святитель Феофан, – что творится у нас среди мыслящих. Все ум потеряли. Философские воззрения не в ходу, руководятся ветром навеваемыми началами. Святая вера отодвинута на задний план. И даже богословствующие потеряли настоящие основы богословствования православного, и все смеются. И Господь, кажется, отвратил очи Свои от нас и не посылает делателей. Сколько раз я порывался кричать, но ничего не идет из головы. Может быть, и другие то же испытывают. Не оставление ли это Божие? Боже, милостив буди!» (Собрание писем, вып. VII, стр. 206).

«Следует наказать нас, – пишет святитель в другом письме, – пошли

хулы на Бога и дела Его гласные. Некто писала мне, что в какой-то газете «Свет» № 88 напечатаны хулы на Божию Матерь. Матерь Божия отвратилась от нас; ради Ее и Сын Божий, а Его ради Бог Отец и Дух Божий. Кто же за нас, когда Бог против нас?! Увы!» (там же).

Замечательно, что сам святитель Феофан – кротчайший, благостнейший и любвеобильнейший, был немилосердно суров и беспощадно строг ко всем сеятелям безверия и нечестия, увлекавшим Россию в бездну погибели. Говорят, что одной из причин ухода его с епископской кафедры в затвор была именно необыкновенная, голубиная его кротость, мешавшая ему делать необходимые выговоры и замечания неисправным подчиненным. И вот такой кротчайший святитель со всей беспощадной суровостью обрушивается в своих письмах на распространителей материалистических воззрений в России и требует запретить им их разлагающую работу... под угрозой смертной казни!

«У вас там, – пишет он, – и всюду охают и охают. Беда! беда! и беда видна. Но никому в голову не приходит – загородить и завалить источник беды. Как шла французская революция? Сначала распространились материалистические, воззрения. Они пошатнули и христианские и общерелигиозные убеждения. Пошло повальное неверие: Бога нет; человек – ком грязи; за гробом нечего ждать. Несмотря однако на то, что ком грязи можно бы всем топтать, – справедливо иронизирует святитель, – у них выходило: не замай! не тронь! дай свободу! И дали! Начались требования – инде разумные, далее полуумные, там безумные. И пошло все вверх дном.

Что у нас? У нас материалистические воззрения все более и более приобретают вес и обобщаются. Силы еще не взяли, а берут. Неверие и безнравственность тоже расширяются. Требование свободы и самоуправства – выражается свободно». И вот «выходит, – уже прямо и открыто предрекает святитель, – что и мы на пути к революции. Как же быть?» И Богоозаренный святитель, прозревая духом все те бесчисленные кровавые ужасы, которые в результате укрепления этих материалистических воззрений постигли нашу несчастную Родину, предлагает самые решительные, радикальные меры, к которым у нас в свое время не захотели прибегнуть. «Надо, – говорит он, – свободу замыслов пресечь – зажать рот журналистам и газетчикам. Неверие объявить государственным преступлением. Материальные воззрения запретить под смертной казнью. Материальные воззрения чрез школы распространяются. Лапласовская теория самообразования мира с прибавкой Дарвиновских бредней идет в уроках. После школы и в письмена она вошла... и всюду

приносит плод неверия. Кто виноват в этом? Правительство. Оно позволило. Следовательно, кому следует все это пресечь – Правительству». (Собрание писем, вып. VII, стр. 142–143). Интересно, что в этом обвинении нашего правительства в слабости и недостаточной решительности в борьбе со все разрастающимся злом святитель Феофан вполне сходится с другим своим великим современником – приснопамятным отцом Иоанном Кронштадтским, который также неоднократно упрекал наше царское правительство за то, что оно не принимает достаточно решительных и суровых мер к пресечению зла, влекущего русский народ в погибель. Оба этих великих духоносных мужа, несших подлинно пророческое служение для спасения гибнущего русского народа, горячо призывали русский народ к покаянию, стремясь поднять русский народ из той страшной бездны падения, в которую он опускался, но тщетно.

Рисуя в одной из своих замечательных проповедей мрачную картину широкого распространения на нашей Родине зловерных материалистических идей, занесенных к нам с давно отрекшегося от Христа под влиянием «гуманизма» Запада, святитель Феофан делает логичный вывод:

«Если у нас все пойдет таким путем, то что дивного, если и между нами повторится конец осмнадцатого века со всеми его ужасами? Ибо от подобных причин подобные бывают и следствия!» (Слова на торжественные дни, – стр. 187). «Воды потопного нечестия устремляются на нас и готовы поглотить всех нас», и все это потому, что «ныне начинает господственно водворяться среди нас дух мира, тот дух, который побежден Господом Иисусом Христом и должен быть побеждаем силою Его и чрез нас» (там же, стр. 262).

«Не подумал бы кто, – говорит далее святитель Феофан, – что, говоря так, мы устрашаем вас призраками, подставляем небывалые опасности, указываем врага, сильного, может быть, где-нибудь в другом месте, но не у нас. Дал бы Бог, чтобы это было так! И да удалится от нас пагубный дух на край света, и да не помянется имя его среди нас!»

«Но посмотрите, что делается вокруг, и увидите, что враг лицом к лицу предстоит нам, уже врывается в ряды воинства нашего и производит в нем сильное смятение и опустошение».

И далее святитель по пунктам дает живую характеристику этого злого духа мира, начавшего преобладать в нашей русской жизни.

«Ибо, что такое есть «дух мира»?

1. Дух мира есть дух вражды на Бога... Вкусившие духа мира о Боге и

вещах божественных не помышляют, не говорят, не пишут; а живут так, как бы не было Бога: у них почитается даже неприличным помянуть об этом в кругу своем. Есть между ними класс людей с очищенными, как они говорят, понятиями, которые не считают зазорным при случае отпустить острое словцо на счет святых убеждений наших и дел благочестия, которые каждый месяц выпускают в печать огромные тома, читаемые десятками тысяч, где о всем рассуждают, кроме Бога, все решают без участия Высшей Силы Премудрой и Благой и на все решаются, не чувствуя нужды в Божественном содействии и в молитвенном к Богу обращении, где если по страху не изрыгают открыто хульного неверия и безбожия, то не боятся разными изворотами речей вливать яд сомнения и колебания в веру в неопытные души. Дивно ли, что среди них распространяется холодность к вере и св. Церкви, небрежение о св. уставах ее, отчуждение от них, желание отменить и уничтожить их потому только, что они так сильно возвещают о Боге и будущей жизни...

2. Дух мира есть дух взаимного между людьми охлаждения, разделения и враждования, в противоположность искреннему и глубокому единению, долженствующему царствовать между истинными христианами. Когда кто, увлекшись духом мира, отпадает умом и сердцем от Бога, то естественно останавливается на себе самом и, поставляя себя целью, все окружающее – и вещи, и лица обращает в средство для своих целей. Себялюбие (эгоизм) есть неточное начало жизни по духу мира...

И вот вы видите, что и у нас, среди тех, кои увлечены духом мира, распространяется взаимная холодность, иссякает братская любовь, начинают разделяться муж с женой, дети с родителями, дома подкапываются под дома, роды под роды, и сословия вооружаются против сословий: – миряне хладеют к духовенству, низшие классы к высшим, светско-ученые к духовно-ученым и обратно... всюду проходит разделение... Господи! Это ли ученики Твои, к которым сказал Ты: «О сем уведят, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою!» (Ин. 13,35)

3. Дух мира есть дух всесторонних похотствований... ибо «все еже в мире, похоть плоти, похоть очес и гордость житейская» (1Ин. 2,16), говорит Апостол. И вот у нас повсюду открыты гульбища, зрелища, театры, музыкальные вечера, домашние представления, живые картины, концерты, балы, фейерверки, увеселительные сады, куда всех приглашают без различия пола и возраста, без различия воскресных дней, праздников и постов. Сотни рук заняты описанием и живописным изображением всего этого в сотнях листов, газет и журналов, где наперерыв стараются

представить все это в самых привлекательных и обольстительных красках. Все это пред очами нашими. Видите ли, как одолевает нас дух мира и, совлекая с нас целомудренную одежду жития Христианского, облакает в срамные рубища похотливых дел и обычаев...

4. Дух мира, наконец, есть дух гонения и преследования всего святого, небесного и божественного. Враждующий на Бога мир не может терпеть: ничего, что носит печать Божественного происхождения и напоминает о Боге: потому теснит и гонит из своей области дела веры, и благочестия... Гонение на дела веры – в православном царстве!! Удивительно; однако ж это так есть... Есть лица, которые стыдятся в храм Божий ходить... держать себя, как прилично Христианину. Гонитель невидим, но гонение видимо и всеми испытывается... И вот все, по магическому слову: «что скажут», не зная, кто и что скажет, – боятся открыто обнаруживать в делах святуго веру свою. А слова и дела по духу мира открыто являются на стогнах града. Их творить не стыдятся и не боятся, они, как у себя дома.

Вот, братия, какая тлетворная образуется вокруг нас атмосфера!» («Слова», стр. 262–268).

В своей проповеди на день Рождения Наследника Цесаревича Николая Александровича, произнесенной 8 сентября 1863 года, святитель Феофан со скорбью констатировал:

«...Вслед за окончанием Крымской войны (как будто плотина какая прорвалась), широкой рекой потекли к нам западные учения о неслыханных дотоле, противных духу Христову, порядках в жизни семейной, религиозной, политической, кои гласно стали слышаться в речах и читаться в печати... Припомните историю судей Израильских. В продолжение четырехсот лет повторялся у них следующий ход событий. Как скоро отступали от правил жизни, заповеданных им Богом чрез Моисея, и перенимали новые у соседей, тотчас были предаваемы в плен сим самым учителям их. Когда каялись и возвращались к прежним нравам, Бог посылал им избавителя и освобождал их из-под ига. Если снова уклонялись, – снова подпадали игу рабства; и когда исправлялись, были снова освобождаемы. Так было раз до 12-ти, – будто нарочно для того, чтобы хорошенько затвердили они, а чрез них и все, что от правил жизни, Богом преданных, уклоняться нельзя безнаказанно, что кто это делает, гнев Божий привлекает и подрывает благоденствие и независимость государства. Какого рода ни было бы сие отступление, все оно – как дело Богоборное, небезопасно. У нас, например, инде бывает, что св. постов не соблюдают, брака не считают святым и не соблюдают законов его; монашества чуждаются и хотели бы упразднить его, не святят дня

Господня и св. праздников, обращая их в гульбища, срамные утехы и прочее тому подобное. Все это не наши правила и обычаи, а от соседей наших переняты. И конечно, не пройдут нам даром, если не отстанем от них и дадим им обобщиться среди себя. Побережемся же, не прогневался бы на нас Господь и не предал бы в руки учителей наших, буиих и злонравных, как и погрозил было однажды.

Нельзя не видеть, что молитвословие и церковность начали быть вытесняемы из круга жизни нашей. Многие живут и действуют так, как бы для них не было Господа и св. Церкви Его... Идут в театр, когда надо бы идти в церковь; учреждают гуляния с шумом и музыкой во время церковных служб и даже близ церкви, отвлекая от нее простодушных и развлекая в ней желающих благочествовать; торговые дни назначают в воскресные и праздничные дни и шатаются по рынкам, когда бы следовало предаваться молитве и богоугодным занятиям. Идут мимо церкви и не молятся, – от того, что не помнят о ней: голова не тем занята. Входя в дома не обращаются к иконам, не полагают крестного знамения и домохозяев приветствуют не по-христиански. Да и иконы из домов повынесли, как молокане. Есть даже такие, кои не считают долгом крестить детей своих. Много и другого дурного занято нами от соседей. Не перечислить всего. Довольно и указанных случаев, чтобы увериться, что начали прокрадываться к нам обычаи, обличающие в приемлющих их Богозабвение. И это не пройдет нам даром».

А в своей проповеди на день Рождения Наследника Цесаревича, произнесенной 8 сентября 1864 года, святитель Феофан изрек подлинное пророчество, которое исполнилось буквально:

«Издавна охарактеризовались у нас коренные стихии жизни русской и так сильно и полно выражаются привычными словами: Православие, Самодержавие и Народность. Вот что надобно сохранять! – когда ослабеют или изменятся сии начала, русский народ перестанет быть русским. Он потеряет тогда свое священное трехцветное знамя» (там же, стр. 289).

Все предреченное Епископом Феофаном, как мы видим теперь, исполнилось. Действительно, мало-помалу «иссякло наше Православие». Как мало осталось среди нас людей, понимающих св. Православие, ценящих его, любящих его и свою жизнь старающихся устраивать по нему! Огромное большинство не знает, да и знать не хочет Православия, живя своей собственной, независимой от Церкви и ее уставов жизнью и руководясь полуязыческими, полуживотными идеалами «гуманизма». А те, кто по каким-то особым своим соображениям не порвали совсем с

Православием, изобретают, измышляют свое собственное «нео-православие». Действительно началось сначала «скрытое», а потом и «явное гонение на христианство», достигшее столь «больших размеров», что Церковь Русская уподобилась мученической Церкви первых веков христианства.

Исполнилось и предречение свят. Феофана о том, что «вновь пошлет Господь на нас таких же учителей наших, чтобы привели нас в чувство и поставили на путь исправления», ибо «таков закон правды Божией: тем врачевать от греха, чем кто увлекается к нему». Увлекались мы материалистическими теориями Запада, нигилизмом, марксизмом-коммунизмом – Господь и послал нам в запломбированных вагонах облюбованных нашим интеллигентным обществом вождей марксизма Ленина и Троцкого с «товарищами», чтобы «привели они нас в чувство и поставили на путь исправления». И вот они в течение более 45-ти лет уже, в лице своих достойных преемников, «приводят нас в чувство», в целях нашего вразумления, исправления и покаянного обращения к Богу. Страждет в страшных цепях самого унижительного рабства наша Родина, обливаясь кровью и слезами, подвергается издевательствам и всяческому глумлению и поношению святое-святых души русского человека. «Вы сами этого хотели, – как бы так говорит нам Господь, – получайте же желанное вами и наслаждайтесь!»

«Таков закон правды Божией: тем врачевать от греха, чем кто увлекается к нему».

Не хотело правительство наше принять решительных мер: «свободу замыслов пресечь, зажать рот журналистам и газетчикам, неверие объявить государственным преступлением, материальные воззрения запретить под смертной казнью» – вот и дожили мы до революции, даже еще более страшной, чем революция французская, и «между нами повторился конец осьмнадцатого века со всеми его ужасами». Не хранили мы «коренных стихий жизни русской» – Православия, Самодержавия и Народности, и в результате: Православие заменено у нас на Родине безбожной религией марксизма. Самодержавие – неслыханной еще в истории человечества жесточайшей тиранией, а Народность – бездушным интернационалом. И вот нет больше ни России, ни русского народа, ни нашего священного трехцветного знамени!

Из всего этого мы можем убедиться, какое подлинно-пророческое служение нес наш великий богомудрый наставник Преосвященный Феофан, Затворник Вышенский, пытаюсь вразумить своим огненным словом наш несчастный русский народ в самую печальную пору его

исторического бытия, когда он, словно в каком-то безумном опьянении, неся, очертя голову, в разверзшуюся перед ним страшную кровавую бездну.

Объясняя нам причины постигших нас тяжких бедствий и раскрывая нам в своих вдохновенных творениях, исполненных глубокого духовного опыта, дивные возвышенные красоты духовной жизни – сокровенной жизни в Боге, – святитель Феофан всех нас, русских людей, зовет на путь покаяния и обращения к Богу от прелестей мира и греха. Буквальное исполнение пророчески предреченных им бедствий, обрушившихся на русский народ, должно со всею очевидностью убеждать нас, что только в Боге и в руководстве учением нашей св. Православной Церкви – наше спасение.

Отношение к святителю Феофану тех или иных лиц, мнящих себя быть духовными вождями и руководителями умов и сердец русских людей, в настоящее время можно почитать безошибочным критерием их православности и духовной благонадежности. Нет другого пути ко спасению и возрождению нашей Родины, кроме единственно верного, строго православного пути, начертанного в творениях святителя Феофана и сродных ему по духу духоносных мужей и наставников чистого, беспримесного, святоотеческого Православия. Только твердыми вековыми устоями такого подлинного Православия жил и жив будет православный русский народ.

Содержание

архиепископ Аверкий (Таушев) Провозвестник кары
Божией русскому народу святитель Феофан Затворник
Вышенский Аверкий (Таушев), архиепископ Сиракузский¹
и Троицкий